

Голосъ тевтона о славяно-русскомъ дѣлѣ.

Въ 163 и 164 №№ „Приложеній ко Всеобщей Газетѣ (Beilage zur Allgemeinen Zeitung)“ за истекшій годъ, издаваемой въ Мюнхенѣ, появилась скромная по своимъ размѣрамъ, но чрезвычайно притязательная по своему содержанію и направленію, статья профессора А. Брикнера „Правда о славянскихъ апостолахъ и ихъ дѣятельности (Die Wahrheit über die Slavenapostel und ihr Wirken)“. Г. Брикнеръ придаетъ очень важное значеніе своему изслѣдованію, сулитъ произвести цѣлый переворотъ въ наукѣ по вопросу о личности и дѣятельности первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія. „Не смотря на 1500, появившихся на всѣхъ цивилизованныхъ языкахъ, изслѣдованій, посвященныхъ жизни и дѣятельности греческихъ братьевъ (т. е. Кирилла и Меѳодія), мы, говоритъ г. Брикнеръ, во многихъ пунктахъ находимся на ложномъ пути, повѣрно оцѣниваемъ самые простые факты, не желаемъ видѣть того, что само собою очевидно для критическаго ума“ (S. 146). „Нѣтъ ничего удивительнаго, продолжаетъ авторъ, если славянофилы, въ оцѣнкѣ дѣятельности греческихъ братьевъ, извращаютъ факты... Но не только славянофилы и православные изслѣдователи не могутъ освободиться отъ наивнаго удивленія предъ дѣломъ солунскихъ братьевъ. Даже у западныхъ ученыхъ и изслѣдователей мутится мысль, при оцѣнкѣ дѣятельности Кирилла и Меѳодія... Таинственный туманъ подымается предъ глазами этихъ изслѣдователей и заволакиваетъ имъ зрѣніе:

дневной свѣтъ слабо пробивается сквозь тускляя и узкія стекла“ (S. 145). Вотъ въ какомъ печальномъ состояніи, по признанію г. Брикнера, находится наука по вопросу о жизни и дѣятельности первоучителей славянскихъ. Одни поколѣнія ученыхъ смѣняли другія, пока, наконецъ, число ихъ изслѣдованій, посвященныхъ оцѣнкѣ жизни и дѣятельности первоучителей славянскихъ, достигло колоссальной цифры—1500, и тѣмъ не менѣе наука по указанному вопросу не вышла еще изъ младенческаго состоянія. Но вотъ, наконецъ, пробилъ часъ освобожденія науки отъ этого ужаснаго состоянія. На горизонтѣ ея, въ лицѣ нѣмецкаго профессора Брикнера, появилось свѣтило, готовое нѣсколькими лучами освѣтить таинственную мглу, облегающую мысль человечества, и направить ее, въ оцѣнкѣ дѣятельности первоучителей славянскихъ, на истинный путь. Такое представленіе о современномъ состояніи науки по указанному вопросу и о тѣхъ великихъ услугахъ, которыя готовъ въ этомъ дѣлѣ оказать ей профессоръ Брикнеръ, можно вынести изъ тѣхъ разъясненій, которыя, въ видѣ вступленія, предпосылаетъ этотъ ученый своей статьѣ, помѣщенной въ указанной нами выше нѣмецкой газетѣ. Повѣривъ ему на слово, мы готовы были поздравить нѣмецкую науку со столь крупнымъ талантомъ, появившимся на горизонтѣ ея, и съ повятымъ нетерпѣніемъ приступили къ чтенію этой статьи, сулящей такую заманчивую перспективу. Но велико было наше разочарованіе и негодованіе, когда мы увидѣли, что этотъ ученый мужъ, въ порывѣ самолюбія, выдаетъ за научно обоснованныя истины такія положенія, которыя не имѣютъ подъ собой никакой почвы, прикрываясь своимъ quasi-ученымъ именемъ, въ дѣйствительности глумится надъ наукой и, при помощи недостойныхъ ученаго изслѣдователя пріемовъ, старается ввести въ заблужденіе доверчиваго читателя. Та „правда о славянскихъ апостолахъ и ихъ дѣятельности“, которою (правдою) онъ мнилъ благо-

дѣлать науку, является клеветой на великихъ историческихъ дѣятелей, носящею на себѣ яркіе слѣды славянофобства. Тотъ новый путь, который онъ чаялъ проложить въ уклонившейся отъ истины наукѣ—не что иное, какъ грубая мистификація, преслѣдующая преступныя цѣли—возбужденіе національной ненависти и вражды.

Мы не будемъ входить въ подробный разборъ раскрытыхъ въ этомъ изслѣдованіи взглядовъ Брикнера. Это завело бы насъ слишкомъ далеко. Опровергая, шагъ за шагомъ, Брикнера и восстанавливая искажаемую имъ истину, мы вынуждены были бы написать пространную, выходящую далеко за предѣлы журнальной статьи, исторію первоучителей славянскихъ. Для нашихъ цѣлей, чтобы по достоинству оцѣнить научность воззрѣній Брикнера, достаточно остановиться на болѣе существенномъ и характерномъ въ нихъ.

Выводъ, къ которому пришелъ Брикнеръ въ разсматриваемой нами статьѣ, сводится къ двумъ основнымъ положеніямъ: солунскіе братья Кириллъ и Меѳодій—враги славянства, истиннымъ поборникомъ интересовъ славянства былъ моравскій князь Святополкъ. Посмотримъ, какъ обосновываетъ Брикнеръ эти положенія.

При оцѣнкѣ дѣятельности Кирилла и Меѳодія—говоритъ Брикнеръ—„легко забываютъ, какой страшный вредъ принесли они славянской культурѣ. Хотя ихъ дѣятельность и не была главной причиной неизбежнаго раздѣленія славянства между Римомъ и Византіей, тѣмъ не менѣе она, въ значительной степени, способствовала указанному раздѣленію. Сумма знаній, привнесенныхъ славянству изъ этого источника, была слишкомъ скудна. Восточные и южные славяне погружались, вслѣдствіе этого, все въ большее и большее невѣжество, вмѣсто того, чтобы идти впередъ по пути культурнаго развитія. Какъ скуденъ былъ источникъ знанія у этихъ славянъ, видно изъ того, что еще въ XV вѣкѣ у

нихъ не было полного списка книгъ св. Писанія, и только къ концу этого вѣка съ большимъ трудомъ удалось составить полный кодексъ библии. Такъ обстояло дѣло съ книгами св. Писанія. Помимо этихъ книгъ, у славянъ не было ничего другого, кромѣ легендъ и гомилій, гомилій и легендъ“ (S. 164). „Славянское богослуженіе обрекаетъ народъ на изолированное отъ Европы, культуры и образованія положеніе“ (S. 145).

Нельзя отрицать того, что просвѣщеніе у южныхъ и восточныхъ славянъ долгое время стояло, по сравненію съ ихъ западными сосѣдями, не на высокомъ уровнѣ. Но объясненія этого слѣдуетъ искать вовсе не тамъ, гдѣ ищетъ его г. Брикнеръ. На долю восточныхъ и отчасти южныхъ славянъ, соотвѣтственно ихъ географическому положенію, выпала тяжелая задача—предохранить арійскую культуру отъ грозившаго ей со стороны монгольской расы погрома. Восточные и отчасти южные славяне служили тѣмъ буферомъ, о который разбивались безчисленныя воды монгольскаго моря, готоваго разлиться кровавымъ потокомъ по всей Европѣ и смыть всѣ культурныя завоеванія, пріобрѣтенныя соединенными усиліями арійскихъ народовъ. Печенѣги, половцы, татары, въ своемъ побѣдоносномъ шествіи на западъ, были задержаны славянствомъ. Побѣжденное татарами, славянство, съ теченіемъ времени, свергло съ себя монгольское иго и подчинило своей власти и культурному вліянію болѣе многочисленныхъ монголовъ. Но сколько на это потребовалось времени и напряженія культурныхъ силъ! Вотъ чѣмъ, главнымъ образомъ, объясняется сравнительно низкій уровень просвѣщенія у этихъ славянъ. Трудно было думать о просвѣщеніи, когда настояла необходимость, съ оружіемъ въ рукахъ, защищать свое достоинство отъ нападеній враговъ. Съ теченіемъ времени, эти славяне, въ лицѣ насъ, русскихъ, выступаютъ уже не только защитниками, но и созидателями и распространителями культуры и занимаютъ подобающее

имѣ мѣсто въ ряду другихъ культурныхъ народовъ. И этихъ успѣховъ они достигаютъ, при неизмѣнной вѣрности богослуженію на своемъ національномъ, славянскомъ языкѣ. Очевидно, это послѣднее не обрекаетъ народъ на состояніе варварства, на изолированное прозябаніе, вдали отъ культуры, образованія, какъ пытается это, вопреки очевидности, доказать г. Брикнеръ.

Совершать богослуженіе на національномъ языкѣ, имѣть народную іерархію—это неотъемлемое право каждого народа. Въ первые вѣка христіанства, не смотря на преобладаніе въ церкви языковъ греческаго и латинскаго, сохранялась неприкосновенною мысль о равноправности народовъ въ дѣлѣ вѣры и церкви, безъ различія іудея или эллина, варвара или скиоа, чѣмъ само собою предполагалось право ихъ совершать богослуженіе, слушать слово Божіе на своемъ родномъ языкѣ. Эта мысль, съ теченіемъ времени, мало-по-малу затемняется въ сознаніи народовъ, уступая мѣсто представленію объ опасности и недозволенности чтенія Слова Божія, богослуженія на народныхъ языкахъ. Подъ воздѣйствіемъ папства, это представленіе укоренилось особенно сильно въ западной, латинской церкви и въ своемъ крайнемъ развитіи отлилось въ особую, такъ называемую, трязычную ересь. Отсюда становится понятнымъ, какъ должны были отнестись въ Римъ къ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, направленной къ введенію въ Моравіи богослуженія на славянскомъ языкѣ и къ устроенію народной іерархіи. Папы увидѣли въ этомъ попытку отторгнуть Моравію отъ союза съ Римомъ, увидѣли здѣсь посягательство на права римской каедрѣ и потому оказывали первоучителямъ славянскимъ упорное противодѣйствіе. Глубоко убѣжденные въ своей правотѣ, св. братья съ такой энергіей защищали свое дѣло въ Римѣ, съ такою убѣдительною излагали доводы въ пользу его, что порою склоняли на свою сторону самихъ папъ (Адріана II, Іоанна VIII, Іоанна IX). Но это было лишь временное торжество правды.

Папство было враждебно настроено къ мысли о независимости и самобытности славянской церкви въ Моравіи. Дѣятельнымъ пособникомъ Рима въ этомъ дѣлѣ были представители нѣмецкой имперіи и латино-нѣмецкая іерархія, которые стремились къ подавленію славянства въ Моравіи и расширенію на его счетъ нѣмецкихъ элементовъ. Къ этому присоединились еще несчастныя внѣшнія обстоятельства, обусловливавшіяся вторженіемъ угровъ въ Моравію и опустошеніемъ ея этимъ дикимъ народомъ. Моравская держава пала. Погибла вмѣстѣ съ этимъ и недавно основанная въ ней юная славянская церковь. Возвращенная въ Моравію апостольскими трудами св. братьевъ пива засохла, но брошенная на ней сѣмена взошли на другой почвѣ—въ православной Болгаріи, Сербіи и Россіи, взошли, развернулись пышнымъ цвѣтомъ и принесли обильную жатву. Въ исторіи этихъ славянъ народно-національная церковь, заложенная трудами св. Кирилла и Меѳодія, имѣла очень важное значеніе, сослужила великую службу. Она послужила основою православно-христіанскаго воспитанія этихъ народовъ и въ то же время была могущественнымъ факторомъ народно-самобытнаго развитія ихъ. Въ годину тяжелыхъ испытаній, постигавшихъ эти народы, во время монгольского ига въ Россіи, въ періодъ турецкаго господства надъ балканскими славянами, церковь съ ея богослуженіемъ на родномъ языкѣ, съ ея національною іерархіей, пробуждала въ нихъ чувства своей самобытности, служила залогомъ будущаго національно-политическаго возрожденія ихъ. Таковы плоды апостольской дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія. Безпристрастный изслѣдователь не можетъ сомнѣваться въ благодѣтельности ея для славянства. Утверждать противное, тѣмъ болѣе доказывать, подобно Брикнеру, что Кириллъ и Меѳодій принесли вредъ славянству,—враги его, можетъ только, или крайняя предзанятость, или непримиримая вражда къ славянству. Напротивъ, истинные друзья славянства пожалѣютъ о томъ, что плодами апостольскихъ трудовъ св.

Кирилла и Меѳодія не воспользовались западные славяне. Отсутствіе національной церкви неблагопріятно отразилось на судьбѣ западныхъ славянъ—чеховъ и поляковъ. Правда, латинство просвѣтило ихъ свѣтомъ христіанства и пріобщило ихъ къ западной культурѣ. Но какую цѣною кушали они это благо? Латинство проложило путь къ непрекращающемуся еще и до сихъ поръ въ Чехіи господству нѣмцевъ. Нѣкогда сильное государство, Чехія потеряла свою политическую самостоятельность и теперь со всѣхъ сторонъ, какъ желѣзнымъ кольцомъ, окружена нѣмцами: вздымающіяся со всѣхъ сторонъ волны германизма грозятъ поглотить ее. Значительная доля отвѣтственности падаетъ на латинство и за злосчастную судьбу Польши. Стремясь къ расширенію своего господства, папство побуждало Польшу къ пропагандѣ латинства среди подвластныхъ ей южно-руссовъ. Ко многимъ другимъ причинамъ вражды послѣднихъ къ Польшѣ присоединилась еще религіозная. Открывшаяся борьба между восточными и западными славянами окончилась раздѣломъ и паденіемъ Польши. На нашъ взглядъ, распространеніе латинства среди западныхъ славянъ было большимъ несчастьемъ для нихъ и, вообще, для всего славянскаго дѣла. Подчиняясь указаніямъ изъ Рима и служа, прежде всего, интересамъ римской куріи, латинство мало заботилось о народно-самобытномъ воспитаніи славянъ, нерѣдко преслѣдовало цѣли, неоправдывавшіяся истинными интересами народа и до послѣдняго времени служить тормазомъ къ сближенію западной и восточной половинъ славянскаго міра.

Невѣрно оцѣнивая дѣятельность св. Кирилла и Меѳодія, выставляя ихъ врагами славянства, г. Брикнеръ дѣлаетъ попытку реабилитировать моравскаго князя Святополка, какъ славянскаго государя, характеризуетъ его дѣятельность на пользу славянства такими чертами, какія никоимъ образомъ не могутъ быть оправданы историческими данными. Святополкъ, какъ представляетъ его себѣ г. Брикнеръ, стоялъ на высо-

тѣ пониманія славянской идеи, ратовалъ за истинно славянскіе интересы, „былъ болѣе истиннымъ славяниномъ, чѣмъ всѣ, вмѣстѣ взятые, славянофилы, славянскіе эмиссары и шпіоны, Будиловичи, Кудаковскіе, которые подымаютъ неистовый шумъ, когда видятъ измѣну святому славянскому дѣлу, т. е. славянскому богослуженію и славянскому письму“ (S. 164). Выставляя Святополка великимъ борцомъ за славянское дѣло, г. Брикнеръ ополчается противъ нашего слависта, петербургскаго профессора Ламанскаго за то, что тотъ развѣнчиваетъ моравскаго князя, отрицаетъ у него тѣ заслуги предъ славянствомъ, которыя неосновательно приписываетъ ему г. Брикнеръ. „У Ламанскаго, пишетъ г. Брикнеръ, мы читаемъ: „при папѣ Стефанѣ V и императорѣ Арнульфѣ, моравскіе и паннонскіе славяне потерѣли такую же самую національно-религіозную катастрофу, какъ въпослѣдствіи при императорѣ Фердинандѣ II“. Святополкъ,—продолжаетъ г. Брикнеръ,—оцѣнивая по достоинству нужды и потребности своего государства (?) и слѣдуя папскому распоряженію, изгналъ изъ предѣловъ Моравіи и Панноніи грекославянскихъ еретиковъ. Это мудрѣйшее и величайшее, какое только знаетъ исторія, благотѣльное для славянства (?) дѣяніе могучаго и знаменитаго Святополка, Ламанскій сравниваетъ съ гибельными послѣдствіями битвы при Бѣлой Горѣ, несомнѣнный успѣхъ славянства сравниваетъ съ пораженіемъ его“ (S. 145).

Но дѣйствительно ли Святополкъ моравскій былъ такимъ борцомъ за славянское дѣло, какимъ его представляетъ г. Брикнеръ? Дѣйствительно ли онъ стоялъ на стражѣ славянскихъ интересовъ? Искусный полководецъ и ловкій дипломатъ, Святополкъ не обладалъ стокоекостью характера, не выдавался той настойчивости въ проведеніи своихъ плановъ, которая является необходимымъ условіемъ и надежнымъ залогомъ всякаго успѣха. При всемъ своемъ мужествѣ, онъ былъ податливъ къ постороннему вліянію, направлявшемуся на него искусной рукой, хотя бы и въ ущербъ пущимъ интересамъ.

самъ его государства. При его дворѣ была сильна латино-нѣмецкая партія, которая, путемъ лести и поблжки его слабостямъ, вошла къ нему въ довѣріе и искусно руководила его дѣйствіями, сообразно съ собственными своекорыстными планами, въ ущербъ нуждамъ и интересамъ моравскаго государства. Безпристрастный изслѣдователь не можетъ не видѣть, что Святополкъ въ своихъ дѣйствіяхъ колебался между славянскими и латино-нѣмецкими симпатіями, пока, наконецъ, послѣднія не одержали верха, и онъ собственными руками сталъ расшатывать устои своего государства. Незадолго до смерти у него раскрылись глаза, но было уже поздно. Государство было ослаблено и вскорѣ послѣ смерти Святополка прекратило свое существованіе. Бѣглый очеркъ дѣятельности Святополка можетъ убѣдить въ справедливости нашего приговора надъ нимъ.

Достигши моравскаго престола вѣроломствомъ въ отношеніи къ своему дядѣ Ростиславу, при дѣятельной поддержкѣ со сторонѣ нѣмцевъ, Святополкъ первое время своего правленія былъ подручникомъ и вѣрнымъ союзникомъ нѣмцевъ. Онъ не только позволилъ нѣмецкимъ епископамъ произвести незаконный судъ надъ архіепископомъ Моравіи—св. Мееодіемъ и заточить его, но и самъ во время этого суда позволилъ глумиться надъ нимъ. Но потомъ онъ одумался и сталъ во главѣ поднявшагося противъ нѣмцевъ народнаго движенія въ Моравіи. Одержавъ надъ нѣмцами въ 873 г. побѣду, онъ перемѣнилъ свою политику въ отношеніи церковныхъ дѣлъ своего государства. Положивъ конецъ нѣмецкому господству надъ Моравіей въ политическомъ отношеніи, Святополкъ задумалъ устранить и церковную зависимость своего государства отъ нѣмецкой іерархіи, рассчитывая, путемъ устройства національной церкви въ Моравіи, поднять силы своего государства. Въ этихъ видахъ онъ хлопоталъ въ Римѣ о возстановленіи Мееодія въ правахъ самостоятельнаго архіепископа Моравіи. Это соответствовало и желаніямъ папы, ко-

торый надѣялся, путемъ уступокъ національнымъ стремленіямъ моравлянъ, подчинить Моравію непосредственной своей власти, прекративъ зависимость ея отъ зальцбургскаго (нѣмецкаго) архієпископа. Такъ изъ предѣловъ Моравіи было изгнано нѣмецкое духовенство, заявившее себя враждебными дѣйствіями и злокознями противъ государства во время бывшей борьбы моравлянъ съ нѣмцами, и Мееодій, опираясь на народъ и князи, могъ безпрепятственно устроить въ Моравіи національную церковь, съ народной ієрархіей и богослуженіемъ на славянскомъ языкѣ. Но Святополкъ не порывалъ связи съ нѣмцами, которымъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ на моравскомъ престолѣ. Ставъ независимымъ государемъ, Святополкъ не чуждался сношеній съ представителями нѣмецкой и латино-нѣмецкой образованности и государственности. Онъ желалъ пріобщить Моравію къ семьѣ западно-европейскихъ государствъ съ ихъ болѣе высокою латино-нѣмецкою культурою и, въ этихъ видахъ, поддерживалъ связи съ своими западными сосѣдями. При такихъ обстоятельствахъ, онъ не могъ обойтись безъ услугъ и содѣйствій представителей латинской и латино-нѣмецкой національности и образованности, они необходимы были ему въ качествѣ дипломатовъ, безъ нихъ онъ не могъ обойтись при переговорахъ и договорахъ, которые въ то время велись и писались на латинскомъ языкѣ. Такихъ лицъ на средневѣковомъ западѣ выдвигало преимущественно духовенство, какъ наиболѣе образованное въ то время сословіе. Представители латино-нѣмецкаго духовенства, послѣ изгнанія его изъ Моравіи, такимъ образомъ, неизбежно должны были появиться при дворѣ Святополка. Они не могли рассчитывать на сильное вліяніе въ странѣ, пока во главѣ моравской церкви стоялъ св. Мееодій. Поэтому они задумали устранить его отъ дѣлъ и повели противъ него интригу, воспользовавшись тѣмъ, что Святополкъ былъ малосвѣдушъ въ дѣлахъ вѣры. Св. Мееодій исповѣдывалъ никео-цареградскій символъ, опровергалъ новы

франко-нѣмецкій догматъ объ исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына. Наговорщики выставили его предъ Святополкомъ, какъ еретика, нарушающаго единство исповѣданія вѣры, отступающаго въ своемъ ученіи отъ римской церкви. Возможно, что они напомнили Святополку печальную судьбу вестготовъ, которые приверженностію къ ереси ослабили свое государство. Въ этомъ смыслѣ враги Меѳодія выступили съ обвиненіями на него въ Римѣ. Для Святополка, который считалъ себя западно-европейскимъ государемъ и дорожилъ своими связями съ западомъ, были непріятны могшія возникнуть тамъ на его счетъ подозрѣнія въ покровительствѣ ереси. Ему желательно было разсѣять всякія подозрѣнія на этотъ счетъ и потому онъ дѣлаетъ запросъ въ Римъ о правотѣ Меѳодія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у Святополка не было никакихъ сомнѣній касательно чистоты вѣры Меѳодія, и онъ настоялъ на восстановленіи его въ правахъ моравскаго архіепископа. А теперь въ его душу закрадываются сомнѣнія на этотъ счетъ. Настолько успѣли въ своихъ злыхъ умыслахъ противъ Меѳодія враги его изъ среды латино-нѣмецкой іерархіи. Что касается другого обвиненія, съ которымъ выступили въ Римѣ латино-нѣмецкіе прелаты противъ Меѳодія, предметомъ котораго (обвиненія) было славянское богослуженіе, совершавшееся въ Моравіи, то этому едва ли могъ сочувствовать Святополкъ, бывшій на сторонѣ славянскаго богослуженія, но и въ этомъ послѣднемъ ловкіе интриганы могли найти такой пунктъ, который въ мало свѣдущемъ въ дѣлахъ вѣры Святополкѣ могъ вызывать нѣкоторыя недоумѣнія. Дѣло въ томъ, что еще папа Адріанъ въ своей буллѣ, разрѣшавшей Меѳодію совершать богослуженіе на латинскомъ языкѣ, требовалъ, чтобы апостолъ и евангеліе на литургіи читались, сперва на латинскомъ языкѣ, а потомъ на славянскомъ. Ставленники Меѳодія не могли быть настолько свѣдущими въ латинскомъ языкѣ. Поэтому указанное папское требованіе не могло быть повсюду исполняемо въ Моравіи.

Да въ этомъ не было и особой надобности, такъ какъ славянское населеніе Моравіи не знало латинскаго языка. Исключительно славянское богослуженіе ставили въ вину Меѳодію, выставляя за это Меѳодія не только ослушникомъ папской воли, но и опаснымъ для государства челоувѣкомъ, грозящимъ ему полнымъ отторженіемъ отъ культурнаго латино-нѣмецкаго запада, покровительствующимъ невѣжеству, не желающему знать никакого другого языка, кромѣ своего родного, варварскаго. При преувеличенномъ представленіи со стороны Святополка культурнаго значенія для Моравіи латино-нѣмецкаго запада, указанные обвиненія Меѳодія могли пасть на благопріятную почву и возымѣть свое дѣйствіе. Но обвиненія, выставленныя противъ Меѳодія, не нашли поддержки въ Римѣ. Въ своемъ письмѣ къ Святополку папа Іоаннъ VIII старается разсѣять сомнѣнія, возникшія у князя на счетъ правотѣрія Меѳодія, оправдываетъ его, признаетъ православнымъ и своимъ собратомъ и одобряетъ его славянское богослуженіе и славянскія книги. Папа не могъ ставить въ вину Меѳодію признаваемый послѣднимъ символъ безъ прибавки *filioque*. Незадолго предъ этимъ, Іоаннъ VIII, въ своемъ письмѣ къ константинопольскому патріарху Фотію, рѣшительно высказался за незаконность новой прибавки въ символъ, за неприкосновенность никео-цареградскаго символа, какъ символа вселенской церкви, поручилъ высказаться въ этомъ смыслѣ своимъ легатамъ на константинопольскомъ соборѣ 879—880 гг., что тѣ и сдѣлали. Что касается славянскаго богослуженія, то, одобливъ его, папа счелъ необходимымъ потребовать, чтобы во всѣхъ моравскихъ церквахъ, ради большей важности, евангеліе читалось, сперва на латинскомъ языкѣ, а потомъ возглашалось въ переводѣ на славянскій языкъ. Чтобы устранить печальныя нестроенія въ моравской церкви, проистекавшія отъ интригъ и неповиновенія нѣмецкаго духовенства своему архіепископу, папа счелъ необходимымъ вновь подтвердить права Меѳодія, какъ архіепископа Моравіи, пре-

доставилъ ему право непокорныхъ изъ среды духовенства— безъ различія національности—производящихъ соблазнъ или расколъ, изгонять изъ страны. Наконецъ, чтобы имѣти моравскую церковь въ непосредственномъ подчиненіи Риму, помимо всякой зависимости ея отъ зальцбургской архіепископій, папа предполагалъ устроить цѣлую іерархію въ моравской церкви, съ утвержденіемъ ея самостоятельности, какъ архіепископій. Въ этихъ видахъ, онъ посвятилъ пѣмца Вихинга въ епископа г. Нитры на границѣ Моравіи и Каринтіи, съ подчиненіемъ его Меѳодію, какъ архіепископу, и выражалъ желаніе, чтобъ Святополкъ, съ согласія и по усмотрѣнію Меѳодія, прислалъ въ Римъ для посвященія во епископы достойное духовное лицо. Тогда моравскій архіепископъ, виѣстѣ съ двумя епископами, въ силу опредѣленій папы, будетъ имѣти право поставлять и другихъ епископовъ, гдѣ встрѣтится въ нихъ нужда. Такъ, вопреки проискамъ нѣмецкаго духовенства, въ Римѣ ожидало св. Меѳодія полное торжество. Но враги Меѳодія не бездѣйствовали. Въ Моравіи ожидали Меѳодія огорченія. Къ этому времени симпатіи Святополка склоняются на сторону нѣмецкой партіи. Меѳодій возвращается въ Моравію оправданный, съ папскимъ посланіемъ къ Святополку, заключающимъ въ себѣ это оправданіе. Судъ надъ Меѳодіемъ въ Римѣ, продолжительное отсутствіе Меѳодія немало смущали его моравскую паству. Чтобы прекратить это смущеніе, увеличиваемое неблагопріятными толками о Меѳодіи его враговъ изъ среды латино-нѣмецкаго духовенства, чтобы дать полное торжество Меѳодію, Святополку надлежало обнародовать посланіе къ нему папы. Но онъ этого не сдѣлалъ, очевидно, въ угоду врагамъ Меѳодія изъ среды латино-нѣмецкаго духовенства. Это безучастное отношеніе князя къ Меѳодію могло поощрять враговъ его къ новымъ интригамъ противъ него. Особенною враждебностію къ Меѳодію и славянскому богослуженію въ Моравіи отличался новопоставленный нитранскій епископъ Вихингъ. Этотъ ловкій интригантъ,

появившій ко двору Святополка по рекомендаціи Арнульфа, герцога Каринтіи и Панноніи, сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ Святополку, пользовался его расположеніемъ, хотя обманывалъ его и былъ въ сущности тайнымъ эмиссаромъ Арнульфа при моравскомъ дворѣ. Посвященный, по всей вѣроятности, по ходатайству Святополка, во епископа г. Нитры, Вихингъ не могъ примириться съ тѣмъ подчиненнымъ положеніемъ въ отношеніи къ Меѳодію, какъ архіепископу, въ какое онъ поставлялся папскимъ опредѣленіемъ. Разсчитывая на безнаказанность, въ силу близкихъ отношеній къ Святополку, Вихингъ рѣшился на подлогъ, чтобы подорвать авторитетъ Меѳодія и повредить ему въ глазахъ его паствы. Онъ сочинилъ подложное посланіе папы къ Святополку, въ которомъ Меѳодій обвинялся во многомъ, славянское богослуженіе въ Моравіи запрещалось, а на Вихинга возлагалась обязанность наблюдать за Меѳодіемъ. Хотя проiski Вихинга не достигли своей конечной цѣли, но, во всякомъ случаѣ, подложное посланіе усилило еще больше не улегшееся въ моравской паствѣ Меѳодія смущеніе. Святополкъ безучастно относился къ дѣламъ національной церкви въ Моравіи и ничего не предпринималъ, въ видахъ устроенія народной высшей іерархіи въ своемъ государствѣ, чѣмъ, несомнѣнно, упрочивалась бы самостоятельность славянской церкви въ Моравіи и усиливалась бы политическая мощь государства. Мы упоминали о томъ, что папа Іоаннъ VIII въ своемъ письмѣ къ Святополку выражалъ желаніе, чтобы тотъ, съ одобренія Меѳодія, прислалъ въ Римъ для епископскаго посвященія достойнаго діакона или священника. Тогда бы, по мысли папы, Меѳодій, вмѣстѣ съ этимъ епископомъ и другимъ, посланнымъ раньше для г. Нитры, могъ бы посвящать епископовъ и въ другіе округа своего архіепископскаго діоцеза. Но это предложеніе папы не встрѣтило сочувствія въ Святополкѣ, и онъ не позаботился объ открытіи новыхъ славянскихъ епископствъ въ предѣлахъ Моравіи. Святополкъ недостаточ-

но внимательно относился къ нуждамъ славянской церкви въ своемъ государствѣ, сердце его въ это время не было уже на сторонѣ славянскихъ интересовъ. Но, пока живъ былъ Меѳодій, попустительство Святополка злобѣ враговъ славянской церкви не заходило такъ далеко, какъ послѣ смерти Меѳодія. Когда не стало Меѳодія, Вихингъ уже не встрѣчалъ сильнаго сопротивленія своимъ интригамъ противъ національной церкви въ Моравіи. Къ этому времени онъ приобрѣлъ такое вліяніе на князя, что тотъ многіе годы смотрѣлъ на церковныя дѣла своего государства его глазами. При содѣйствіи Святополка, Гораздъ, предполагаемый преемникъ Меѳодія, избранный имъ самимъ, устраненъ былъ отъ управленія моравскою церковію, и полномочія Меѳодія перешли къ Вихингу, который теперь могъ безпрепятственно разрушать начатое Меѳодіемъ дѣло устроенія національной церкви въ Моравіи. Въ Римѣ снова подняты были тѣмъ же Вихингомъ обвиненія моравской церкви въ еретичествѣ. Папа Стефанъ V (по официальному счету—VI), послѣдователь и почитатель папы Николая, не раздѣлялъ мыслей своихъ ближайшихъ предшественниковъ—Адріана II и Іоанна VIII о славянскомъ богослуженіи, не стоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Іоанну, за неприкосновенность никео-цареградскаго символа. Онъ, чрезъ своихъ легатовъ, потребовалъ признанія въ моравской церкви символа съ *filioque* и прекращенія славянскаго богослуженія, но встрѣтилъ рѣшительный отпоръ со стороны моравскаго духовенства. Тогда Вихингъ задумалъ осилить своихъ противниковъ властью князя. Онъ представилъ Святополку послѣдователей Меѳодія людьми мятежными, угрожающими спокойствію и порядку въ государствѣ. Святополкъ желалъ прекратить раздоры, волновавшіе моравскую церковь, и побуждалъ обѣ стороны къ примиренію, къ единенію въ вопросахъ вѣры, понимая это единеніе, какъ согласіе съ римскою церковью. Когда же послѣдователи Меѳодія остались вѣрны завѣтамъ своего учителя, Святополкъ

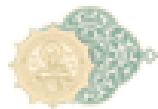
принять рѣшительныя мѣры. Онъ объявилъ обязательнымъ въ своемъ государствѣ признаніе ученія римской церкви, обязалъ славянское духовенство повиновеніемъ Вихингу, какъ архіепископу Моравіи, предоставивъ послѣднему, согласно съ инструкціей папы, право карать ослушниковъ. Тогда поднялись въ Моравіи гоненія на славянскую церковь. Національная церковь пустила глубокіе корни въ народѣ, для котораго было дорого богослуженіе на родномъ, понятномъ для него, языкѣ. Посягательства на дорогое наслѣдіе, завѣщанное народу св. Меѳодіемъ, не могли не вызывать смуть въ государствѣ, не могли не ослабить силъ государства. Это тяжелое испытаніе, постигшее славянство въ Моравіи, продолжалось до тѣхъ поръ, пока Святополкъ не убѣдился въ предательскомъ характерѣ Вихинга. Во время открывшейся войны Святополка съ нѣмецкимъ императоромъ Арнульфомъ, стремившимся подчинить себѣ Моравію (892—893 гг.), Вихингъ скинулъ маску, которою драпировалъ свои чувства къ славянскому дѣлу въ Моравіи, и открыто выступилъ въ роли поборника Арнульфа, ревнителя нѣмецкаго преобладанія въ Моравіи и врага славянской народности и церкви. Послѣ этого урока, даннаго Святополку нѣмцами, онъ уже не имѣлъ тяготѣній къ союзу съ ними и сталъ на сторону славянскаго дѣла въ Моравіи. Но было уже поздно. Своею предшествующею политикою онъ проложилъ путь нѣмецкому вліянію въ Моравіи. Вскорѣ послѣ смерти Святополка моравское государство, ослабленное непрерывною борьбою съ нѣмцами, сдѣлалось легкою добычею напавшихъ на него угровъ.

Уже изъ этого бѣглаго очерка можно видѣть, что Святополкъ, какъ славянскій государь, не стоялъ на высотѣ своей задачи. Онъ позволялъ опутать себя врагамъ славянства и дѣйствовалъ, можетъ быть, не сознавая того, въ руку нѣмцамъ, въ ущербъ насущнымъ интересамъ своего государства. Судя по церковнымъ дѣламъ, можно съ полною достовѣрностію заключать, что при Святополкѣ внут-

ренная политика моравскаго государства опредѣлялась, въ значительной мѣрѣ, видами злѣйшаго врага славянства—герцога каринтійскаго, въпослѣдствіи императора нѣмецкаго Арнульфа, сумѣвшаго окружить Святополка такими преданными нѣмецкому дѣлу эмиссарами, какимъ былъ Вихингъ. Своими дѣйствіями Святополкъ облегчилъ дѣло германизациі моравскихъ славянъ и вполне заслужилъ тотъ приговоръ, который дѣлають о немъ профессоръ Ламанскій и другіе безпристрастные изслѣдователи судебъ славянства, къ великому огорченію Брикнера и другихъ, взявшихъ Святополка подъ свою защиту, за его содѣйствіе усиленію нѣмецкаго элемента въ предѣлахъ славянской державы.

Такимъ образомъ, оба вывода, къ которымъ пришелъ г. Брикнеръ въ рассматриваемомъ нами изслѣдованіи, не оправдываются историческими данными, являются діаметрально противоположными выводамъ безпристрастной науки. Правда, г. Брикнеръ мало заботится о соотвѣтствіи своихъ заключеній съ выводами науки, объявляетъ ее несостоятельною въ рѣшеніи интересующаго его вопроса и, въ порывѣ самомирія, обѣщаетъ произвести въ ней переворотъ, проложить въ ней новые пути, невѣдомые доселѣ міру. Но, по нашему глубокому убѣжденію, эти новые пути, которые сулитъ наукѣ г. Брикнеръ, не имѣють никакого отношенія къ наукѣ. Намъ думается, что рассматриваемая нами статья не имѣетъ вовсе въ виду интересовъ науки, которыми такъ маскируется авторъ, что она вызвана къ жизни мотивами, не имѣющими ничего общаго съ наукою. Насколько не научны выводы г. Брикнера,—мы уже видѣли. Тѣмъ же характеромъ пенаучности запечатлѣны и приемы критики, которыми пытается обосновать свои выводы г. Брикнеръ, къ ознакомленію съ которыми (приемами) мы теперь и переходимъ.

Брикнеръ отрицаетъ историческую достовѣрность иностранныхъ „Житій“ свв. Кирилла и Меѳодія. „Нашъ трудъ, говоритъ онъ (S. 146), имѣетъ въ виду изслѣдовать источ-

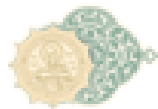

ники (по вопросу о жизни и дѣятельности солунскихъ братьевъ) со стороны ихъ сокровеннѣйшихъ побужденій. Эти источники, исключая писемъ папъ и нѣмецкаго духовенства, сводятся къ четыремъ легендамъ: одной латинской о св. Кириллѣ, двумъ славянскимъ о Кириллѣ и Меѳодіи и одной греческой о Климентѣ. Всѣ эти легенды проникнуты однимъ духомъ, онѣ представляютъ собою агиографическую аналогію жизни и дѣятельности братьевъ. Первые три, кромѣ того, имѣютъ въ основѣ своей одинъ источникъ. Онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ Меѳодію, который, въ собственныхъ интересахъ, слѣдуя принципу „цѣль оправдываетъ средства“, пожертвовалъ истиной, искажилъ факты, привнесъ много вымышленнаго“.

Сомнѣнія въ исторической достовѣрности нѣкоторыхъ частей пространныхъ „Житій“ свв. Кирилла и Меѳодія высказывались и продолжаютъ высказываться въ литературѣ. Но, по мѣрѣ обнародованія историческихъ документовъ, тѣхъ же самыхъ писемъ папъ и латино-нѣмецкой іерархіи того времени, сомнѣнія эти мало-по-малу разсѣваются и среди даже осторожныхъ изслѣдователей уступаютъ мѣсто убѣжденію въ достоинствѣ этихъ Житій, какъ начальнаго и основнаго источника для исторіи первоучителей славянскихъ. Отрицать историческую достовѣрность указанныхъ источниковъ во всемъ ихъ объемѣ, какъ дѣлаетъ это г. Брикнеръ, до сихъ поръ еще никто не отваживался. Поступать такъ значить идти противъ голоса исторіи, которая подтверждаетъ показанія этого источника. Что же касается вопроса объ авторѣ этихъ Житій, то пока онъ принадлежитъ къ числу открытыхъ. Приписывать почти всѣ эти Житія перу Меѳодія, какъ дѣлаетъ это г. Брикнеръ, значитъ вовсе отказываться отъ рѣшенія этого вопроса. Пространныя Житія свв. Кирилла и Меѳодія появились въ различныхъ мѣстахъ и написаны различными авторами. Апостольскій подвигъ свв. братьевъ, ихъ необыкновенныя личныя качества невольно останавливали

на себя вниманіе той среды, гдѣ имъ пришлось жить и дѣйствовать,—въ Римѣ ли то, въ Константинополѣ, или въ славянскихъ земляхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ не было недостатка въ лицахъ, которые пожелали передать потомству память объ этихъ самоотверженныхъ борцахъ за народное дѣло.

Обязанныя своимъ происхожденіемъ различнымъ авторамъ, Житія эти, согласныя между собою въ главномъ, существенномъ, различаются въ подробностяхъ, частностяхъ. При различіи авторовъ ихъ, это вполне естественно. Иначе на это смотреть г. Брикнеръ. Относя почти всѣ эти Житія къ Меоодію, какъ своему конечному источнику, въ разногласіи этихъ памятниковъ онъ готовъ видѣть особенность неблагоприятныхъ приемовъ послѣдняго: Меоодій будто бы извращаетъ факты, передаетъ ихъ различно, смотря по тому, кого онъ имѣетъ въ виду. Какъ на образчикъ такихъ приемовъ Меоодія, г. Брикнеръ указываетъ на слѣдующее. „Для того, чтобы римляне, говоритъ онъ (S. 146), путемъ разспросовъ, не могли выпытать правды, Кириллъ и Меоодій должны были придумать болѣе или менѣе правдоподобное объясненіе того, какимъ образомъ моравскій князь Ростиславъ пришелъ къ безразсудной мысли просить въ Константинополѣ учителей для своей страны. Для этой цѣли Кириллъ сочинилъ, а Меоодій помѣстилъ въ итальянской легендѣ (которая, во всякомъ случаѣ, возникла въ Римѣ, при непосредственномъ содѣйствіи Меоодія) слѣдующія строки: „когда философъ—такимъ именемъ называется Константинъ-Кириллъ—возвратился изъ хазарской миссіи въ Константинополь, моравскій князь Ростиславъ, узнавъ, что философъ сдѣлалъ у хазаръ, послалъ въ Константинополь“ и т. д. Такую мотивировку рѣшенія Ростислава просить въ Константинополѣ учителей для своего народа, мы, продолжаетъ г. Брикнеръ, находимъ только въ итальянской легендѣ, имѣвшей въ виду пустить пыль въ глаза римлянамъ. Въ славянскихъ легендахъ указанное рѣшеніе

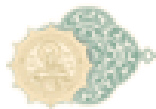
Ростислава приписывается внушенію Божію. И это вполне понятно. Въ Римѣ не знали, что Хазарія лежала близъ каспійскаго моря (?), а Моравія на рѣкѣ Моравѣ (?). Тамъ могли считать эти страны сопредѣльными. Не знали въ Римѣ также и того, что хазарская миссія была пораженіемъ Кирилла: хазарскій каганъ напередъ обѣщалъ принять христіанство, а между тѣмъ Кириллъ принесъ изъ Хазаріи въ Константинополь только письмо, въ которомъ каганъ разрѣшаетъ своимъ подданнымъ принять христіанство. Но вѣдь эта религіозная свобода давно уже была имъ предоставлена. Такимъ образомъ, вмѣсто извѣстія о предполагаемомъ обращеніи хазарскаго кагана въ христіанство, Кириллъ принесъ въ Константинополь останки папы Климента, которыми здѣсь никто не интересовался, да привелъ съ собою получившихъ свободу военнопленныхъ. Если-бы Ростиславъ зналъ о постигшей Кирилла въ Хазаріи неудачѣ, онъ бы остерегался подвергать новому испытанію талантъ его. Славяне, конечно, хорошо знали, какъ далеко отстояли другъ отъ друга Хазарія и Моравія, и потому Меѳодій считалъ неудобнымъ для себя помѣщать въ славянскихъ легендахъ указанное выше объясненіе просьбы Ростислава въ Константинополь о присылкѣ учителей для Моравіи. Въ славянскихъ легендахъ онъ объясняетъ этотъ шагъ Ростислава внушеніемъ свыше. Для простодушныхъ славянъ это объясненіе было вполне достаточнымъ, для скептическихъ римлянъ оно могло показаться маловѣроятнымъ“.

Обвиняя совершенно незаслуженно свв. братьевъ, собственно Меѳодія, въ искаженіи истины, г. Брикнеръ не стѣсняется для этого прибѣгать къ такимъ неблаговиднымъ литературнымъ приемамъ, какъ замалчиваніе, а то и прямо извращеніе фактовъ. Для того, чтобы представить возможно болѣе отдаленнымъ разстояніе Хазаріи отъ Рима и такимъ путемъ убѣдить своихъ читателей въ томъ, будто римляне, вслѣдствіе дальности разстоянія, не могли быть освѣдомлены о результатахъ хазарской миссіи Константина, г. Брикнеръ опре-

дѣляетъ географическое положеніе страны хазаръ только восточною границею ея, говорить, что Хазарія лежала у каспійскаго моря. Начинаясь у каспійскаго моря и устьевъ Волги, Хазарія въ половинѣ IX вѣка обнимала собою пространство, ограничиваемое Кавказомъ, р. Дономъ, чернымъ моремъ съ частію Тавриды или Крыма, на сѣверо-западѣ простиралось до Днѣпра и Кіева. Такимъ образомъ страна хазаръ лежала значительно ближе къ Риму, чѣмъ это желательно для цѣлей г. Брикнера, пытающагося, во что бы то ни стало, свести до минимума освѣдомленность римлянъ, вообще, въ томъ числѣ и римской куріи, въ дѣлахъ, касающихся востока. Въ этомъ стремленіи г. Брикнеръ доходитъ до смѣшнаго, когда утверждаетъ, что въ Римѣ не знали, что Моравія расположена по рѣкѣ Моравѣ. Римскіе папы, стремившіеся утвердить свое господство надъ Моравіей, хорошо были освѣдомлены обо всемъ, что касалось этой страны. Изъ переговоровъ, которые вели римскіе папы съ византійскими императорами и константинопольскими патріархами въ VIII—IX вв., можно видѣть, что въ Римѣ зорко слѣдили за тѣмъ, что происходитъ на болѣе или менѣе отдаленномъ востокѣ. Могли также знать въ Римѣ и о томъ религіозномъ броженіи, которое въ половинѣ IX в. охватило Хазарію и вызвало, между прочимъ, путешествіе туда св. Константина.

Цѣлью хазарской миссіи св. Константина не было обращеніе кагана въ христіанство, какъ старается представить это г. Брикнеръ, распространяющійся о неудачѣ, будто бы достигшей эту миссію. Миссія эта вызвана была иными, болѣе сложными обстоятельствами. Хазарское государство было разноплеменное по своему составу. Различію населенія въ этомъ государствѣ соотвѣтствовало различіе вѣръ, обусловливаемое политическими отношеніями хазаръ, а также широкою вѣротерпимостью ихъ правителей. Масса населенія коснѣла во тьмѣ язычества. Были также здѣсь и христіане. Сильнѣе и многочисленнѣе были мусульманство и іудейство. Последнее

съ конца VIII вѣка сдѣлалось религіей правительства и высшаго класса населенія. При сильной пропагандѣ, которую вели представители различныхъ вѣръ, неизбежна была борьба между ними (представителями). Язычники не могли не приходить въ возбужденіе отъ этой борьбы, для нихъ подымался вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ тѣхъ или другихъ религій, назрѣвала потребность въ перемѣнѣ своей вѣры на одну изъ новыхъ. Плодомъ этого и было хазарское посольство въ Византію, а затѣмъ путешествіе св. Константина въ Хазарію. Изъ преній съ Константиномъ для хазарь-язычниковъ выяснилось все превосходство христіанства предъ прочими религіями. Крестилось тогда до 200 хазарь. Немаловажное значеніе миссіи свв. братьевъ имѣла и для христіанъ хазарскихъ. Помимо того, что они увеличились въ численности, они были ограждены болѣе крѣпкимъ обязательствомъ вѣротерпимости, даннымъ каганомъ непосредственно послѣ преній Константина. вмѣстѣ съ тѣмъ эта миссія задержала пропаганду мусульманства и іудейства, дала возможность увеличившемуся въ численности христіанству занять въ государствѣ, къ началу X вѣка, равное съ упомянутыми выше религіями положеніе. По крайней мѣрѣ, объ уравниеніи христіанъ съ мусульманами и іудеями въ указанное время можно заключать, на основаніи извѣстнаго свидѣтельства арабскаго писателя Массуди, который говоритъ, что въ это время у хазарь для людей разныхъ вѣръ было установлено семь судей: одинъ для язычниковъ и по два для мусульманъ, іудеевъ и христіанъ. Между тѣмъ, до миссіи св. братьевъ, перенѣсь принадлежалъ іудейству и мусульманству. Однимъ словомъ, хазарская миссія свв. братьевъ имѣла несомнѣнный успѣхъ. Отрицать это можетъ только тотъ, кто, подобно Брикнеру, навязываетъ ей цѣли, которыхъ она вовсе не преслѣдовала. Но этотъ несомнѣнный успѣхъ св. братьевъ въ Хазаріи вовсе не обязывалъ всѣхъ авторовъ „Житій“ постав-
лять въ зависимость отъ него возникновеніе рѣшенія морав-

скаго князя Ростислава обратиться съ извѣстною просьбою въ Константинополь. Авторы славянскихъ Житій св. Кирилла и Меѳодія могли иначе объяснить это рѣшеніе Ростислава. Какъ бы то ни было, разногласіе въ этомъ пунктѣ между славянскими Житіями и латинскимъ не даетъ права на тѣ выводы, какіе дѣлаетъ изъ этого г. Брикнеръ.

Какъ на второй примѣръ допущеннаго будто-бы Меѳодіемъ искаженія истины, г. Брикнеръ указываетъ на слѣдующее. „Въ легендѣ о Меѳодіи, пишетъ Брикнеръ, греческій императоръ предлагаетъ Кириллу и Меѳодію принять на себя моравскую миссію: вы, говоритъ имъ императоръ,—солуняне, а всѣ солуняне говорятъ чисто по-славянски“. Брикнеръ находитъ невѣроятнымъ это свидѣтельство императора о чистотѣ славянской рѣчи солунянъ, считаетъ это свидѣтельство позднѣйшимъ измышленіемъ самого Меѳодія, привнесеннымъ въ текстъ легенды, и изощряетъ свое остроуміе въ глумленіи надъ указаннымъ свидѣтельствомъ. „Солуняне, замѣчаетъ онъ, по легендѣ, говорятъ чисто по-славянски. Съ такимъ же правомъ мы могли бы то же самое сказать о современныхъ намъ берлинцахъ. По-славянски говорятъ въ Берлинѣ вендскія мамки, польскіе дровосѣки и словакскіе торговцы мышеловками. Точно также обстояло дѣло и въ Солуни, этомъ чисто греческомъ городѣ, гордомъ своимъ греческимъ языкомъ и литературою, который смотрѣлъ на славянъ теперь какъ на рабовъ, нѣкогда какъ на враговъ, державшихъ его въ осадѣ. Греки также мало заботились о славянахъ, какъ—по славянской поговоркѣ—собака о пятой ногѣ. Сужденію греческаго императора о чистотѣ славянскаго говора солунянъ слѣдуетъ придавать такую же цѣну, какъ если бы оно было высказано китайскимъ императоромъ. Какую же цѣль преслѣдовалъ Меѳодій этимъ вымысломъ?—спрашиваетъ Брикнеръ. Авторитетное свидѣтельство о чистотѣ его славянской рѣчи необходимо было Меѳодію для того, чтобы поднять его во мнѣніи моравлянъ, говоръ которыхъ значительно отли-

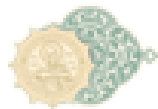
чался отъ его рѣчи, непріятно рѣзавшей ихъ слухъ. Для этого онъ сфабриковалъ указанное свидѣтельство, вложилъ его въ уста императора,—голосъ котораго для грековъ былъ равносильнъ чуть ли не выраженію воли Самого Бога,—и тѣмъ заткнулъ ротъ глухимъ моравлянамъ“.

Нельзя не удивляться той развязности, съ которою въ приведенной репликѣ г. Брикнеръ оперируетъ своими доказательствами, которыя не имѣютъ никакой научной цѣнности и направляются къ тому только, чтобы ввести въ заблужденіе довѣрчиваго читателя, пустить, что называется, ему пыль въ глаза. Брикнеръ вышучиваетъ свидѣтельство Житія о чистотѣ славянской рѣчи солунянъ, а между тѣмъ оно имѣетъ за собою полную историческую достовѣрность. Славяне издавна изъ придунайской равнины устремились въ предѣлы Византійской имперіи, привлекавшей ихъ и своимъ богатствомъ и плодородіемъ земель. Приливъ этотъ былъ значителенъ. Сближаясь съ греками, славяне усвоили отъ нихъ начала гражданственности, образованія, вѣры и поступали на службу имперіи, гдѣ, начиная съ V вѣка, мы видимъ ихъ на различныхъ постахъ, отъ низшихъ до высшихъ, не исключая и императорскаго трона. Этотъ притокъ молодыхъ здоровыхъ силъ поддерживалъ одряхлѣвшій организмъ имперіи и обуславливалъ, между прочимъ, ея болѣе продолжительное существованіе, по сравненію съ западно-римскою имперією, павшей значительно раньше. Уже въ виду этихъ несомнѣнныхъ услугъ, оказываемыхъ славянствомъ имперіи, можно усумниться въ справедливости положенія Брикнера, что греки пренебрегали славянствомъ, что они, выражаясь словами приводимой Брикнеромъ, вульгарной, оскорбительной въ примѣненіи къ народамъ, пословицы, такъ же мало заботились о славянахъ, какъ собака о пятой ногѣ. Преимущественное вниманіе переселявшихся изъ придунайской низменности славянъ, обнаруживавшихъ во все время особую склонность къ земледѣльческому труду, привлекала

плодородная солунская равнина. Поселившіеся здѣсь славяне въ VI и VII вѣкахъ нашей эры дѣлали неоднократно (въ 597, 676, 685—687) попытки захватить въ свои руки Солунь и осаждали его, но безуспѣшно. Въ послѣдующее затѣмъ время византійское правительство, то силою оружія, то путемъ договоровъ, подчиняетъ своей власти жившихъ на солунской равнинѣ славянъ, часть ихъ переселяетъ на побережье Геллеспонта, остальнымъ даетъ возможность расселиться своими поселками, преимущественно по рѣкѣ Стримону, съ подчиненіемъ ихъ власти стратега. Прилежавшія къ Солуню славянскія поселенія были въ зависимости отъ этого города, выражавшейся, между прочимъ, взносомъ въ пользу его дани. Въ концѣ VII в. миръ между греками и славянами, жившими на солунской равнинѣ, за небольшими перерывами, уже не нарушается, такъ что ко времени жизни свв. солунскихъ братьевъ нигдѣ въ Византійской имперіи мирныя и дружескія сношенія славянъ съ греками не имѣли за собою такой почтенной давности, какъ въ Македоніи, въ той ея части, которая примыкала къ Солуню. Благодаря постояннымъ сношеніямъ съ окрестными славянскими населеніями, платившими дань городу, снабжавшими его своими сельско-хозяйственными продуктами, солунскіе греки знакомились съ славянскимъ языкомъ, могли чисто говорить по-славянски. Въ мѣстахъ съ разнообразнымъ этнографическимъ составомъ племена легко перенимаютъ другъ у друга говоръ. Къ этому побуждаютъ ихъ насущные интересы дня, которыхъ нисколько не уменьшаетъ горделивое превозношеніе собственною болѣе высокой культурою, болѣе развитымъ языкомъ, обнаруживаемое одною этнографическою единицею предъ другою.

Для того, чтобы сообщить своему положенію, что солуняне не могли чисто говорить по-славянски, большую силу доказательности, г. Брикнеръ проводитъ параллель между Берлиномъ и Солунемъ. Брикнеръ забываетъ, или

умышленно игнорируетъ, что неполная аналогія, какъ доказательство, въ данномъ случаѣ не имѣетъ научной цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно дѣлать сравненіе между находившимся на рубежѣ съ славянскимъ міромъ городомъ Византіи и сердцемъ Пруссіи, между склонявшеюся уже къ паденію, одряхлѣвшею Византійскою имперіею и находящеюся на высотѣ, по крайней мѣрѣ, военной славы Пруссіею, не чувствующею подъ собою ногу отъ успѣховъ, достигнутыхъ оружіемъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка? Какъ послѣ революціи и наполеоновскихъ войнъ французы горделиво считали себя *grande nation* и пренебрежительно относились къ остальному человѣчеству, такъ теперь этотъ подъемъ самоиціи переживаетъ Пруссія. Пруссакіи говорятъ только по-нѣмецки, и еще свѣжа у всѣхъ память о неудачной попыткѣ прусскаго короля изгнать изъ нѣмецкаго лексикона всѣ иностранныя слова, даже получившія въ немъ права гражданства. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, при непомѣрномъ самоиціи пруссаковъ, можно ожидать въ ихъ столицѣ другого говора, кромѣ нѣмецкаго? Но слѣдуетъ ли отсюда, что такъ обстояло дѣло и въ пограничномъ съ славянствомъ, можетъ быть, даже на половину славянскомъ, городѣ разлагавшейся Византіи?

Брикнеру кажется подозрительнымъ умолчаніе Житія Меодія о его второмъ путешествіи въ Римъ. Брикнеръ считаетъ это умолчаніе умышленнымъ, преднамѣреннымъ. „Легенда о Меодіи, говорятъ онъ, умышленно замалчиваетъ это путешествіе его въ Римъ, такъ какъ папа вызывалъ его тогда въ Римъ на судъ, какъ еретика, а эти обстоятельства не соотвѣтствовали агіографическимъ цѣлямъ легенды.. Къ тому же, во время пребыванія Меодія въ Римѣ случилось одно обстоятельство, настолько ярко характеризующее этого человѣка и его *graves fides*, что мы не можемъ обойти его молчаніемъ. Изъ устъ самого папы мы узнаемъ, что Меодій, послѣ своего освобожденія изъ баварскаго заточенія,

далъ папскому легату торжественное обѣщаніе (позднѣе въ Римѣ даже говорили, что онъ далъ клятву) впредь не совершать богослуженія на славянскомъ языкѣ и какъ только возвратился въ Моравію, такъ принялся опять за прежнее (S. 163)“.

Видя почти на всѣхъ Житіяхъ солунскихъ братьевъ слѣды если не авторской, то, во всякомъ случаѣ, редакторской руки Меодія, Брикнеръ считаетъ молчаніе Житія Меодія о второмъ его путешествіи въ Римъ умышленнымъ: путешествіе это не соответствовало будто бы агіографической тенденціи Житія, и потому о немъ благоразумно умолчали. Кто основательно знакомъ съ исторіей этого путешествія св. Меодія въ Римъ, со всѣми, предшествовавшими ему (путешествію) и слѣдовавшими за нимъ, обстоятельствами, тотъ придетъ къ совершенно обратному, по сравненію съ Брикнеромъ, заключенію, что это путешествіе, по своимъ конечнымъ результатамъ, какъ нельзя болѣе, отвѣчало бы агіографическимъ цѣлямъ Житія Меодія, если бы авторъ его (Житія) имѣлъ таковыя. Въ самомъ дѣлѣ, судъ надъ Меодіемъ въ Римѣ былъ блестящимъ торжествомъ его дѣла. Авторъ Житія не преминулъ бы описать это торжество Меодія, если бы онъ имѣлъ въ виду прославленіе послѣдняго. Очевидно, онъ иначе понималъ задачу своего труда, чѣмъ какъ это желательно представить г. Брикнеру. Враги славянской церкви въ Моравіи представили папѣ Меодія, какъ опаснаго еретика, расходящагося въ исповѣданіи вѣры съ римскою церковью, совершающаго, притомъ, богослуженіе не на латинскомъ, или греческомъ языкѣ, а на языкѣ варварскомъ, славянскомъ. По обвиненію въ этомъ, Меодій, дѣйствительно, вызванъ былъ папою оанномъ VIII въ Римъ. Но, вопреки ожиданіямъ враговъ славянства, къ ужасу ихъ, папа оправдалъ Меодія: онъ призналъ православными, какъ самого Меодія, такъ и исповѣдуемый имъ символъ (безъ filioque) и вмѣстѣ съ тѣмъ одобрилъ славянское богослуженіе въ Мо-

равіи. Вообще, какъ папа Адріанъ II, такъ и папа Іоаннъ VIII, благосклонно относились къ Меѳодію и дѣду національной, славянской церкви въ Моравіи, и при нихъ никоимъ образомъ не могло случиться съ Меѳодіемъ того, что навязываетъ ему, со словъ будто бы самого папы, Брикнеръ, что отъ Меѳодія потребовали въ Римѣ отреченія отъ славянскаго богослуженія, и будто бы онъ далъ клятвенное обѣщаніе въ этомъ. Да и ни въ какое другое время не давалъ Меѳодій этого обѣщанія и потому не повиненъ во вводимомъ на него Брикнеромъ клятвопреступничествѣ. Но откуда же взялъ Брикнеръ, что Меѳодій далъ клятвенное обѣщаніе не совершать богослуженія на славянскомъ языкѣ? Глухая ссылка на это обѣщаніе Меѳодія встрѣчается въ письмѣ папы Стефана V (официально—VI) къ моравскому князю Святополку, написанномъ вскорѣ послѣ смерти Меѳодія (885 г.). Но эта ссылка на клятвенное обѣщаніе Меѳодія впредь не совершать богослуженія на славянскомъ языкѣ является не болѣе, какъ сознательною ложью со стороны папы, допущенною въ томъ расчетѣ, что, за смертью Меѳодія, некому будетъ разоблачить ее. Выдумка эта, сочиненная на счетъ Меѳодія папою Стефаномъ V, такъ очевидна, стоитъ въ такомъ явномъ противорѣчій съ несомнѣнными историческими данными, что ея не рѣшаются поддерживать даже изслѣдователи католическаго лагеря. Излишне скептическій во всемъ, что въ выгодномъ, т. е. истинномъ, свѣтѣ рисуетъ намъ образъ первоучителей славянства, Брикнеръ проявляетъ въ данномъ случаѣ непростительное легковѣріе, выдавая за несомнѣнную истину то, что пущено было въ оборотъ, какъ ложь, какъ злостная клевета. Со смертью папы Іоанна VIII, отношенія Рима къ славянской церкви въ Моравіи измѣняются. Она принимаютъ враждебный оттѣнокъ, когда на папскій престолъ вступаетъ Стефанъ V, почитатель и послѣдователь папы Николая, недружелюбно относившагося къ православію. Славянское богослуженіе въ подвластной Риму въ

церковномъ отношеніи Моравіи, отправлявшееся по книгамъ, переведеннымъ съ греческихъ книгъ, заключавшихъ въ себѣ символъ безъ *filioque*, казалось Стефану преступленіемъ. И вотъ папа ополчается противъ славянской церкви въ Моравіи. Въ своемъ письмѣ къ Святополку папа осуждаетъ Меоодія и славянское богослуженіе въ Моравіи и вмѣстѣ съ тѣмъ подготавливаетъ почву для того, чтобы передать дѣла моравской церкви въ вѣдѣніе Вихинга, злѣйшаго врага славянства. При выполненіи этой задачи, папа чувствовалъ себя въ большомъ затрудненіи, въ виду отношеній къ Меоодію и славянскому богослуженію своего близкаго предшественника Іоанна VІІІ, который, какъ мы уже упоминали, призналъ православными Меоодія и исповѣдуемый имъ символъ (безъ *filioque*) и одобрилъ славянское богослуженіе въ Моравіи. Для того, чтобы опорочить Меоодія и подорвать существованіе славянскаго богослуженія въ Моравіи, получившаго признаніе со стороны самихъ папъ (Адріана II и Іоанна VІІІ), Стефану V не оставалось ничего другого, какъ, умолчавъ о послѣднемъ, представить получившее распространеніе славянское богослуженіе дѣломъ самоизмышленія и произвола со стороны Меоодія, который, ложно истолковавъ папскія распоряженія, ввелъ это богослуженіе въ Моравіи, на свой страхъ и рискъ,—былъ изобличенъ въ этомъ, далъ клятвенное обѣщаніе на мощахъ ап. Петра впредь не совершать богослуженія на этомъ языкѣ, но вѣроломно нарушилъ это обѣщаніе. Правда, эта выдумка стояла въ противорѣчій съ опредѣленіями прежнихъ папъ, и этого не могъ не видѣть Святополкъ, но папа надѣялся, своимъ авторитетнымъ, хотя бы и лживымъ, свидѣтельствомъ склонить Святополка на свою сторону, представивъ Меоодія клятвопреступникомъ, утаившимъ отъ князя данное имъ къ Римѣ обѣщаніе впредь не совершать богослуженія на славянскомъ языкѣ, рассчитывая, что Святополкъ, безучастно относившійся къ Меоодію и дѣлу національной церкви въ Моравіи, повѣритъ болѣе по-

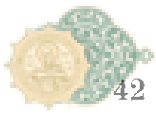
слѣдному писъму изъ Рима, чѣмъ распоряженіямъ прежнихъ папъ. Какъ бы то ни было, папа Стефанъ V, чтобы подорвать существованіе славянской церкви въ Моравіи, не оставался предъ клеветой, казавшеюся ему необходимой въ интересахъ римской катедры и римской церкви. И, если эта выдумка, допущенная, какъ *pia fraud*, оправдываемая мыслию о пользѣ вѣры и церкви, могла найти себѣ примѣненіе въ темные вѣка человѣческой исторіи, то въ нашъ критическій вѣкъ, стоящій во всеоружіи науки, она должна быть отвергнута, какъ злонамѣренное искаженіе истины.

Раздѣляя пущенную въ ходъ папою Стефаномъ V выдумку на счетъ Меодія, не входя въ критическое обслѣдованіе того, насколько она стоитъ въ согласіи съ несомнѣнными историческими данными, Брикнеръ не стѣсняется представлять въ ложномъ освѣщеніи настроеніе моравскаго народа къ ученикамъ и послѣдователямъ Меодія, вообще, къ дѣлу устроенія національной, славянской церкви въ Моравіи, замалчивая при этомъ факты, которые краснорѣчиво говорятъ сами за себя. „Насколько ученики Меодія, говоритъ Брикнеръ (S. 157—158), были непопулярны въ Моравіи, это можно видѣть изъ того, что въ нихъ, даже въ отсутствіе грознаго для народа Святополка, никто не принималъ участія. Даже когда они оставлены были эскортировавшими ихъ солдатами, они боязливо скрывались, такъ какъ не рассчитывали на симпатіи и поддержку со стороны населенія“. Но развѣ, въ самомъ дѣлѣ, преслѣдованія, поднятыя противъ учениковъ Меодія представителями латино-нѣмецкой іерархіи, говорятъ о дѣйствительномъ настроеніи къ нимъ моравскаго народа? Гоненія эти совершались заклятымъ врагомъ славянской церкви въ Моравіи, Вихингомъ, согласно папской инструкціи, съ вѣдома Святополка, при участіи военныхъ отрядовъ, набировавшихся изъ нѣмецкаго населенія Моравіи. Народъ боялся князя и при этой расправѣ нѣмцевъ съ учениками Меодія безмолствовалъ. Выраженія сочувствія, под-

держка преслѣдуемыхъ со стороны населенія могли быть представлены князю, какъ знакъ неповиновенія его державной волѣ, какъ возмущеніе противъ него, и потому могли вызвать съ его стороны мѣры суроваго воздѣйствія. Чувство народа, которое могло бы служить истиннымъ показателемъ его отношеній къ славянской церкви въ Моравіи, на время застыло. Но оно не заглохло навсегда. При благопріятныхъ условіяхъ, оно не замедлило всныхнуть и запылать яркимъ свѣтомъ. Это случилось уже послѣ смерти Святополка, при его сынѣ Моймирѣ. Воспользовавшись затрудненіями нѣмцевъ уже при больномъ Арнульфѣ, моравляне задумали возстановить у себя самобытную славянскую церковь, съ народной іерархіей, съ богослуженіемъ на славянскомъ языкѣ. Стремленія моравлянъ напали себѣ сочувствіе со стороны римскаго папы, которымъ въ то время былъ Іоаннъ IX. Въ 899 г. онъ отправилъ въ Моравію легатовъ, поручивъ имъ устроить моравскую церковь, поставить въ ней изъ среды народной архіепископа и трехъ епископовъ. Это возстановленіе народной іерархіи въ моравской церкви вызвало взрывъ негодованія среди баварскихъ епископовъ. Весною 890 г. архіепископъ майнцкій Гаттонъ, отъ лица баварскихъ епископовъ, написалъ папѣ письмо, въ которомъ сѣтуетъ на его распоряженіе касательно возстановленія народной іерархіи въ Моравіи, доказываетъ права баварскихъ епископовъ на моравскую церковь и выражаетъ надежду, что папа отмѣнитъ свои распоряженія. Не ограничиваясь этимъ, баварское духовенство въ іюлѣ того же года составило церковный соборъ въ г. Рисбахѣ, на которомъ выразило рѣшительный протестъ противъ возстановленія славянской іерархіи въ Моравіи. Протестъ этотъ, въ формѣ письма отъ имени зальцбургскаго архіепископа Теотмара и пяти другихъ епископовъ, былъ препровожденъ къ папѣ Іоанну IX. Эти несомнѣнные, документальныя данныя даютъ видѣть, какъ глубоко въ сознани

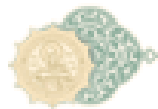
моравскаго народа виѣдрилась идея самобытной славянской церкви, основаніе и первоначальное устроеніе которой совершено апостольскими трудами свв. солунскихъ братьевъ. Отрицать это, доказывать, будто моравскій народъ несочувственно относился къ устроенію самобытной церкви, проявлялъ полное равнодушіе къ дѣятельности свв. братьевъ и ихъ учениковъ, можетъ только тотъ, кто умышленно закрываетъ глаза на очевидные факты и сознательно жервуетъ истиной въ угоду собственной тенденціи.

Обращаетъ на себя вниманіе еще одинъ не менѣе, если не болѣе, характерный приѣмъ, практикуемый г. Брикнеромъ въ своемъ изслѣдованіи. Г. Брикнеръ не считаетъ нужнымъ обосновывать своихъ положеній, на которыхъ онъ построяетъ свои выводы и дальнѣйшія заключенія, предполагая, очевидно, въ своихъ читателяхъ непоколебимую вѣру въ его ученый авторитетъ. Брикнеръ вообразилъ себя литературнымъ сюзереномъ, къ сужденіямъ котораго читатели, въ качествѣ литературныхъ вассаловъ, обязаны выказывать безусловное довѣріе. Такими сужденіями, которыя нуждаются еще въ своемъ обоснованіи, пересыпано все изслѣдованіе г. Брикнера: въ формѣ ихъ Брикнеръ вѣщаетъ міру „правду“ о дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія. Приведемъ наиболѣе яркій примѣръ. Диктаторскимъ, не терпящимъ возраженій, тономъ Брикнеръ заявляетъ, что „кириллица не принадлежитъ Кириллу, отъ него ведетъ свое начало глаголитское письмо; кириллица появилась послѣ Кирилла, спустя цѣлое столѣтіе или, по крайней мѣрѣ, полстолѣтія“ (S. 148). Прочитавъ указанныя строки, мы вынесли впечатлѣніе, что Брикнеръ располагаетъ новыми данными для рѣшенія указаннаго важнаго и въ высшей степени сложнаго вопроса славянской филологіи, или же, по крайней мѣрѣ, попытается сгруппировать уже существующія данныя по указанному вопросу, чтобы обосновать важное въ его аргументаціи положеніе о позднѣйшемъ появленіи кирил-

лицы. Но наши предположенія не оправдались. Брикнеръ ограничился указаннымъ заявленіемъ, предполагая, очевидно, что одного взмаха его чудодѣйственнаго пера достаточно для рѣшенія затронутаго имъ вопроса.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о тонѣ, въ какомъ написана статья Брикнера. Она проникнута духомъ нескрываемой злобы и вражды къ славянству, оставшемуся вѣрнымъ началамъ, заветамъ, завѣщаннымъ свв. солунскими братьями, и особенно къ Россіи. Эти злобныя чувства настолько овладѣваютъ авторомъ, что онъ теряетъ нравственную устойчивость, возводитъ всякія небылицы на Россію и русскихъ и доходитъ до забвенія литературныхъ приличій, уснащая свою рѣчь по адресу русскаго языка эпитетами, которые равносильны брани. „Характеристическою особенностію славянофильства, говоритъ Брикнеръ, является не только благоговѣніе предъ армянской мурмошкой (шапкой) и татарскимъ халатомъ, не только извѣстные виды на повсемѣстное распространеніе юліанскаго календаря (русскіе представляютъ себѣ реформу календаря въ такомъ видѣ: появится указъ *but' po siemi*—и Европа съ Америкой откажутся отъ григоріанскаго новшества, т. е. римской измѣны древнеотеческому преданію), но также необыкновенное благоговѣніе предъ кирилловскимъ письмомъ. Съ славянами, употребляющими латинскій шрифтъ, въ Россіи расправляются „административнымъ путемъ“: въ одинъ прекрасный день дѣлается распоряженіе, запрещающее употребленіе латинскаго письма, оскорбляющаго будто бы чувства православнаго русскаго народа. Мы пережили такія вещи. Такъ, административнымъ путемъ, помимо всякаго закона, благодаря произволу сумасшедшаго сатрана (?), запрещено было литовцамъ употребленіе ихъ письма (много столѣтій они не знали никакого другого письма, кромѣ латинскаго), вмѣсто котораго имъ навязали кирилловское (т. е. русское) письмо, которое является слишкомъ сквернымъ

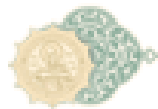

даже для собакъ (?). Польское дворянство бунтовало, а за это, по русской логикѣ, поплатились литовскіе крестьяне, вѣрнѣйшіе подданные царя, у которыхъ, безъ всякой вины съ ихъ стороны, отняли ихъ письмо“ (S. 148). Пользуясь тѣмъ, что Россію на Западѣ знаютъ очень мало, Брикнеръ не стѣсняется извращать факты изъ ея прошлой и настоящей жизни и сочиняетъ на ея счетъ небылицы. Освѣдомленность Брикнера въ прошлыхъ судьбахъ Россіи и ея настоящимъ напоминаютъ намъ отзывы о нашемъ отечествѣ иностранцевъ-туристовъ, которые, совершивъ съ быстрою метеора путешествіе по Россіи, увѣряютъ своихъ соотечественниковъ, что въ Россіи „народъ сидитъ подъ развѣсистой клюквой и кушаетъ нарезанный кусками самоваръ“. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему навязывать русскимъ недѣльные представленія о желанной будто бы для нихъ реформѣ календаря въ западной Европѣ и Америкѣ? Для русскихъ вѣдь безразлично, держатся ли въ западной Европѣ и Америкѣ григоріанскаго календаря или перемѣняютъ его на магометанское лѣтосчисленіе. Приписываемое Брикнеромъ произволу графа Муравьева, котораго онъ обзываетъ „сумасшедшимъ сатрапомъ“, „калмыкомъ“, „современнымъ Омаромъ“, запрещеніе въ Литвѣ латинскаго прифита обусловливалось необходимостью борьбы въ этомъ краѣ съ воинствующимъ полонизмомъ, скрывавшимся за литовско-латинскимъ письмомъ. Ненавистный Брикнеру графъ Муравьевъ былъ выдающимся русскимъ дѣятелемъ въ сѣверо-западномъ краѣ, стоявшимъ на стражѣ русскихъ интересовъ. Что же касается русскаго письма и русскаго языка, о которыхъ съ такимъ презрѣніемъ выражается Брикнеръ, то, для сужденія объ ихъ достоинствѣ и заслугахъ предъ общечеловѣческой культурою, мы считаемъ умѣстнымъ напомнить о томъ вниманіи, какое стала привлекать къ себѣ русская литература со стороны образованнаго общества всѣхъ современныхъ культурныхъ народовъ. Образ-

цовыя произведенія русскихъ писателей Тургенева, Достоевскаго, Толстого переведены почти на всѣ языки и служатъ предметомъ изученія и эстетическаго наслажденія народовъ. Тѣ же эпитеты, которыми надѣляетъ Брикнеръ русскій языкъ и письмо, служатъ не столько для характеристики ихъ, сколько для обрисовки личности самого Брикнера, его непомѣрной злобы ко всему русскому.

Таковы приемы и тонъ изслѣдованія г. Брикнера. Замалчиваніе однихъ фактовъ, невѣрное освѣщеніе, а то и полное искаженіе другихъ, пользование завѣдомо доказанною ложью, необоснованность положеній, служащихъ посылками для дальнѣйшихъ заключеній—вотъ особенности научной техники г. Брикнера. При наличности этихъ данныхъ, не можетъ быть и рѣчи о научномъ достоинствѣ разсмотрѣнной нами статьи. Она внушена вовсе не научными стремленіями автора. Прикрываясь своимъ мнимо-научнымъ авторитетомъ, подъ видомъ служенія истинѣ, Брикнеръ мистифицируетъ своихъ читателей, заводитъ клевету на несомнѣнно великихъ историческихъ дѣятелей—первоучителей славянскихъ.

Какой же смыслъ этой мистификаціи? Она стоитъ въ несомнѣнной связи съ пропагандою пангерманизма, однимъ изъ постулатовъ котораго является борьба съ славянствомъ, Drang nach Osten. На служеніе пангерманизму привлекается все тѣмное, начиная съ правящихъ сферъ Германіи и оканчивая представителями всѣхъ политическихъ партій и общественныхъ группъ. Не отстаютъ отъ этого движенія и представители науки. Не устоялъ отъ этого увлеченія и Брикнеръ. При помощи мнимо-научныхъ данныхъ, онъ старается набросить тѣнь на дѣятельность свв. первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія и тѣмъ подорвать основы славянства, оставшагося вѣрнымъ завѣтамъ ихъ. Своими апостольскими трудами свв. братья положили основы христіанскаго воспитанія, народно-самобытнаго развитія славянства. Дѣя-

тельность ихъ по достоинству оцѣнена исторіей, и никакія козни тевтонскія не въ состояніи омрачить ихъ свѣтлаго образа въ сознаніи, оставшагося вѣрнымъ завѣтамъ ихъ, благодарнаго славянства.

Н. Мухинъ.